

ЗНАНИЕ-ВЛАСТЬ!

Концептуальное приложение. Срок актуальности информации - не ограничен.

МОЖЕТ ЛИ ГОСУДАРСТВО ИМЕТЬ ЦЕЛЬ РАЗВИТИЯ?

В.И.Киркин

Пытаясь найти корни из года в год переходящих проблем, мы, следуя логике, неизменно приходим к парадоксальному выводу о том, что народ страны - любой страны - постоянно и умышленно уклоняется от решения вопроса о цели своего развития. Несомненно, существуют некие локальные группы, которые берут на себя подвиг сформулировать и обнародовать цели развития всего общества. Но, так или иначе, озвученное ими решение остается плодом их фантазии, слабо похожим на действительно национальную идею.

Время от времени у того или иного народа возникают имперские претензии. Безусловно, они носят объединительный характер. Имперская цель очевидна, средства ее достижения определены, последовательность действий обозначена. Единственным недостатком имперских целей остается отсутствие ответа на простой вопрос – а зачем эти амбиции нужны обществу? Но этот вопрос - лишь частный случай национальной идеи. А если вопрос поставить шире? Собственно, в какой коллектив людей входит современный человек? Проще говоря, сегодня каждый из нас - член ОБЩЕСТВА, которое стремится к единой общей цели, или все-таки обособленный представитель ЦИВИЛИЗАЦИИ, обстоятельствами принужденный для достижения своих персональных целей взаимодействовать с иными ее представителями?

Ответом на этот вопрос служат или молчание, или постулат, одновременно включающий в себя недоказуемость и неопровержимость – а именно, **сверхъестественное происхождение и сверхъестественное сопровождение власти**. О таких случаях пишет Юрий Крупнов в статье "Гиперимперия США или мировая держава Россия". Описание имперских планов Японии и Китая, где цель гармонизации земного (человеческого) и небесного (божественного) равно невозможно ни доказать, ни опровергнуть. В эту цель можно верить или не верить. Таким образом, вокруг вопроса увеличения адептов такой цели и выстраивается вся внутренняя и внешняя идеология. То есть цель, определенная без участия народа, обрстая деталями, подробностями и косвенными доказательствами, как бы становится народной. Более того, по мнению английского социолога Арнолда Тойнби, народ дольше, чем самые высокопоставленные представители власти, поддерживает идею бессмертия, иначе говоря, вечного существования своего универсального государства – империи. Но на фоне веры в имперскую цель и имперскую власть, сверхъестественность ее происхождения и существования сохраняются некоторые, порой значительные, сомнения. А над Властью, сформулировавшей такую цель, постоянно сохраняется угроза обвинения в нелегитимности.

Еще менее убедительно выглядят цели, сформулированные на основании недоказуемой неопровержимости **права избранных представителей народа формулировать принципы совместного проживания для всего народа**. Здесь дело даже не в легитимности их полномочий. Уже много раз говорилось и неоднократно математически точно доказывалось, что отсутствие каких-либо средств влияния на сознание избирателей, с целью ориентирования их на определенный выбор (абберации сознания), приводит общество или к полной неопределенности его мнения, или к диктатуре меньшинства, а в самом пиковом варианте к персональной диктатуре.

Именно такая потребность в абберации сознания требует введения еще одного недоказуемого неопровержимого постулата о безусловной любви власти к собственному населению, а в более строгой форме - **о безусловной искренней заботе власти о благе населения**. Именно этот принцип ставится сегодня во главу угла любых абберационных конструкций, будь то информационные фантомы, нормативно-правовые документы или мировоззренческие идеи. Человеку предлагается выбрать не что-то конкретное (конкретного политика, конкретную формулировку конституции и т.д.), а напротив, оценить последующие блага или неприятности подобного выбора. При этом оценка проводится крайне субъективно, опираясь лишь на сведения, специальным образом подобранные и организованные.

Итак. Власть, с одной стороны, и население, с другой, нуждаются в неких постулатах, которые ни та, ни другая сторона не в состоянии ни опровергнуть, ни доказать, но которые необходимы обеим сторонам для выстраивания ненасильственных взаимоотношений. Любая попытка пересмотра этих неопровержимых постулатов обречена на провал, так как в самой их основе заложена неразрешимость, которую ни силой оружия, ни силой человеческого интеллекта одолеть сегодня невозможно, так как попытка осмысления их в целом неизбежно тонет в частностях и деталях. И в лучшем случае принятая оказывается доказательство, что какой-либо конкретный носитель власти или группа таких носителей в силу своих личных человеческих пороков утратила способность следовать определенным постулатам и должна быть заменена более достойными представителями. При этом сами постулаты и их иерархия полностью сохраняются.

Для более надежного сохранения этих непреложных постулатов в неприкосновенности Власть сгенерировала искусственную защитную оболочку из неких положений, которые по форме также похожи на постулаты неопровержимой недоказуемости, но по содержанию вполне конкретны и имеют вполне прикладной характер. Какова же структура распределения приоритетов этих положений, или, проще говоря, мифов согласия при определении значимости их для всего общества?

Термин "мифы согласия" применен здесь не случайно, так как именно в фазе мирного сосуществования власти и населения эти положения принимаются большинством населения как

непреложная истина и основа гражданского мира. С другой стороны, именно эти мифы в случае социального катаклизма подвергаются обструкции в первую очередь. Как правило, именно пересмотр этих мифов, в конечном итоге, и успокаивает возникший социальный катаклизм. То есть первое их прикладное значение – защитный для недоказуемых и неопровержимых постулатов власти буфер. Обратимся к содержанию этих мифов согласия.

1. Мифы согласия

Для описания той или иной социальной системы применяется так называемый "предконституционный договор", то есть совокупность традиций, морально-нравственных устоев и действующих нормативно-правовых положений, которые позволяют неким "представителям" всего общества приступить к определению правил жизни этого общества, к формулированию конституции. Но ситуация в этом случае складывается просто мифологическая – "большой социологический взрыв". Одновременно, то есть буквально, в одну и ту же наносекунду должны появиться на свет общество, правила определения его "представителей", критерии оценки всех сторон жизнедеятельности этого общества, которые станут предметом изучения для его представителей.

К сожалению, мир устроен гораздо прозаичней, и ничего подобного на самом деле произойти просто не может. В процессе жизнедеятельности и общения друг с другом людьми сформированы и всячески поддерживаются иные предконституционные положения, которые тем или иным образом влияют на регламентирование их повседневной деятельности. С реальностью они тоже имеют мало чего общего, но, тем не менее, существуют в информационном поле любого общества. Это и есть **мифы согласия**. Их можно охарактеризовать как **систему взглядов, доминирующих в обществе, и используемых этим обществом в качестве непреложных истин** вопреки возможности и фактам их опровержения. Следует особо отметить, что, по большому счету, или, иначе говоря, по традиции, опровергать действующую систему взглядов необходимости нет. Она как раз и является условием комфортного существования этого общества.

В системе взаимоотношений "Власть – подданные" наиболее значимое положение занял **"Миф реализации воли"**. Он прямо вытекает из лингвистического анализа слова власть.

"Власть – владеть – волю дееть – делать свою волю – реализовывать волю – решать задачи, продиктованные собственной волей".

При авторитарном управлении открыто, а при коллегиальном завуалировано и обезличенно этот миф применялся для обоснования отсутствия возможности у населения принимать непосредственное и постоянное участие в решении общественно значимых вопросов. Действительно, специализация в рамках общественного производства и общественных отношений перераспределила некоторым образом права и обязанности членов общества по принятию решений. Но эта же специализация перераспределила и ответственность за исполнение принятых на себя обязанностей, и обладание полученными от общества правами. Что же общество получило на самом деле? Право принимать общественно значимые решения оказалось в руках власти, а ответственность за последствия ошибок или бездействие легла на население.

Классический пример – демография. Патологическое стремление к бытовому комфорту порождает молчаливый сговор между избирателями и властью, обещающей этот бытовой комфорт на протяжении десятилетий. В конечном итоге, все общества, вступившие в эту недобросовестную сделку, пришли к демографическому тупику. Власть оказалась неспособной реализовать свою волю для защиты своего населения от вымирания. Дальнейшее обеспечение комфорта из-за отсутствия рабочих рук стало просто-напросто невозможно. Немедленно на свет появились научные обоснования неизбежности первого и второго демографических переходов, объяснившие этот самоубийственный процесс естественными причинами.

Власть, получившая в свое время полномочия по сохранению численности своего населения, оказалась в стороне от ответственности за полученный результат. Население, в свою очередь, расплачивается повышением пенсионного возраста и серьезным перераспределением денежных средств в фонде заработной платы.

Как видим из приведенного примера, ни о какой реализации собственной воли представителем власти речи не идет. Наоборот, имеет место факт круговой поруки и попустительства приходе. Безусловно, власть заинтересована в наличии этой круговой поруки для сохранения своего статуса, но для населения страны в целом (а не электората) в какой-то конкретный момент времени делегированная власти задача по созданию условий для демографического роста оказывается невыполненной.

"Миф добросовестности" имеет в своих истоках легенду обожествления власти. Как и в примере Китая и Японии, так и в случае с остальными странами, добросовестность верховного государственного управления подразумевает гармонизацию общественных отношений. Власть явочным порядком, а иногда под видом делегирования от населения, декларировала возложение на себя определенных обязательств по добросовестному регулированию взаимоотношений между гражданами своего государства. Добросовестному – то есть исходя из добрых мотивов своей деятельности. Что это значит? Это значит, что в основу любых действий положены мотивы выше, чем удовлетворение собственных физических и материальных потребностей, выше, чем самореализация. Это означает, что побуждающим мотивом может быть либо высокая духовность, либо стремление к благу каждого члена общества. В конце концов, этим может быть поиск смысла жизни. Кроме доброты, этот миф включает еще и совесть, категорию нравственную, критерием оценки которой должен быть либо сам носитель ее, либо тот, кто имеет право судить об этом предмете.

И вот тут мы попадаем в ловушку неопределенности. Если предположить, что носитель властных полномочий обладает совестью, уровень которой, кроме него самого, оценить некому, то откуда, а главное, для чего в процессе развития государственности произошло наращивание и расчленение институтов власти. Это касается не только так называемых демократий, но и монархий. Мало того, встает вопрос – почему из века в век сохраняется значительный слой обездоленных граждан? По этой причине постоянно ведется диалог власти и населения, так как власть нуждается в оценке своих действий. Цена такой оценки – легитимность власти. Следовательно, уровень добросовестности власти доступен для оценки обществом, а раз так, то добросовестность общества выше добросовестности власти. Но в этом случае мы попадаем в тупик управления, когда практически все общество необходимо задействовать для контроля и надзора за властью и друг за другом.

Выход из этого тупика найден просто – через ту же аберрацию сознания, как и в случае с первым мифом. Население тем или иным образом структурировано по уровню потребностей, образованию и социальной активности. Через все время усложняемую систему диалога с властью и ее оценки представители власти формулируют то общественное мнение, которое им выгодно, а отсутствие общенационального интереса через классовое, сословное или иное разделение населения закрепляет это мнение как единственно возможное.

Последний по порядку, но не по значению миф – это **"Миф об ущербе населения"**, который подразумевает и недобросовестность народа, и его глупость, и жадность и т.д., и т.п. Этот миф сыграл с Властью злую шутку. Она перестала оценивать свой народ реально. Вместо этого Власть приписала населению те качества, которыми оно никогда, за редким исключением, не обладало, но которые нуждаются в постоянном внимании со стороны власти.

Возьмем отношение к старикам и детям. Именно отношения к ним выведены в категорию "цивилизованности" государства. Но выведены они опосредованно, через роль в этом государства. Обездоленность стариков и безнадзорность детей организуются искусственно, затем, чудным образом, уходят из экономики в область нравственности и государственного патронажа. Именно Власть, изымающая у граждан денежные средства, даже из той их части, что ниже прожиточного минимума, лишает граждан материальных возможностей и отнимает все их свободное время. Тем самым, граждане ограничиваются в правах на заботу о собственных стариках и собственных детях. Затем эта Власть, обнаружив отсутствие достойного содержания и необходимой заботы о стариках и детях, принимает сама принудительно-казарменными методами решать эту задачу. Цель достигнута – Власть вся

в белых одеждах, а население нагружено огромным букетом всевозможных пороков.

Подобные эксперименты могут не иметь плачевных последствий, если они несут ритуальный, непродолжительный и эпизодический характер. Население пока еще обладает собственными системами коммуникаций между поколениями и способно очищать при передаче накопленного жизненного опыта естественные общественные отношения от отношений, генерируемых искусственно. Но рано или поздно скорость смены жизненных укладов и традиций увеличится настолько, что большая часть населения утратит способность отличать естественное и доброе от искусственного и дурного. И вот, когда это случится, миф об ущемленном человеке приобретет черты реальности.

Приведенные примеры не исчерпывают весь спектр подтасков. Такой же точно модерации подверглись трудовые отношения, система образования, хозяйственные и финансовые отношения граждан. Цель одна – доказать недееспособность граждан в межличностных и межгрупповых отношениях. Результат достижения этой цели – согласие населения признать миф о собственной ущемленности как реально существующий факт.

Другое прикладное значение данных мифов согласия, наряду с его буферной функцией, есть способ теоретического обоснования этими мифами различных вариантов обременения и ограничения властью своего населения. Именно мифы, как это не парадоксально, лежат в основе всех нормативно-правовых систем всего мира. Именно это положение дел, а не абстрактные утверждения о постоянном развитии общества, и не позволяет прийти нормотворчеству к какой-то законченной форме. Дом, выстроенный на песке, имеет свойство только разрушаться. Именно таким песком является мифическая основа для нормативно-правового здания. А само оно пребывает в фазе постоянного разрушения и ремонта. Сия аллегория может быть завершена тем, что, чем меньше у населения доверия к мифам, тем зыбучей песок, сложенный в основу строительства, а чем больше равнодушия у населения к оценке достоверности этих мифов, тем утоптанней грунт и тем устойчивей здание нормативно-правовых отношений.

Социальная эйфория – основа любого мифотворчества. И есть два пути достижения этой эйфории: первый – это откорм в стойле до полной потери человеческого облика, второй – изнурение и побои. И в первом, и во втором случаях оскотинивание человека достижимо, но в первом случае результат достигается с большей гарантией и действует более долгое время. И так, что же построено на этих зыбучих песках мифов согласия?

2. Принципы обременения и способы ограничения

Население любой страны, помещенное в информационное поле, где отсутствуют внешние и внутренние социально идентифицируемые соперники, рано или поздно впадает в эйфорию или панику. Эйфория характерна для людей, не обнаруживающих в своем ближнем и дальнем окружении сколько-нибудь значимых соперников своему благополучию. Кроме того, сгенерированные для таких людей внесоциальные проблемы, такие как угроза терроризма, экологические проблемы, угроза "демократии" в других странах, автоматически вызывают у этой категории людей потребность в передаче полномочий по борьбе с этими проблемами и угрозами кому-нибудь более компетентному, безусловно, при готовности к оплате его услуг.

Точно такая же реакция возникает и у людей, охваченных паникой. Длительное и постоянно нарастающее негативное воздействие на их психику через информационный негатив; а также на их бытовые условия, питание и хозяйственную деятельность через систему ограничений и дополнительные обременения формирует у этой категории людей потребность избавиться от такой чрезмерной нагрузки. Часть из них встает на путь поиска дурмана (алкоголь и наркотики), другая часть, полагающая себя социально активной, идет делать выбор. Но подобный выбор – ничто иное, как та же самая попытка свалить гнетущие человека проблемы на кого-то другого.

И в первом, и во втором случае население в лице подавляющего большинства его представителей отказывается принимать на себя обязательства по оценке окружающего их мира, их собственных действий по отношению к другим гражданам, хозяй-

ственным субъектам, иностранным государствам и собственно государственной власти. Вместо этого население страны делегирует свое суверенное право власти на данной им по праву рождения территории неким "представителям". Взамен от этих представителей оно требует неких ответных действий, которые позволяют большинству населения признать созданные условия существования комфортными.

Но это состояние населения – миф. Миф искусственно и искусно сформированный именно с целями:

- подавить волю населения перед лицом власти,
- отказаться от собственных самостоятельных попыток выполнения своих социальных обязательств перед детьми, стариками и согражданами, лишенными по состоянию здоровья или возрасту возможности материально обеспечивать себя,
- создать условия добровольной передачи под протекторат власти всего объема социальных обязательств,
- признания населением безусловных прав власти на распределение средств к существованию, на принуждение населения к тем или иным действиям, наказание граждан за отказ от выполнения требований власти.

В отличие от мифов согласия, доказательство или опровержение которых, помимо однозначных положений (истинных или ложных), строится еще и на положениях, которые невозможно с равной степенью достоверности ни опровергнуть, ни доказать, принципы обременения обладают всеми необходимыми признаками однозначного доказательства или опровержения. Роднит их с мифами согласия то, что в созданной и постоянно поддерживаемой информационной, бытовой и хозяйственной среде их доказательство или опровержение может не представлять никакого практического интереса. Уровень комфортности или чувства безопасности от такого доказательства только уменьшатся, следовательно, большинством представителей населения такое доказательство может быть признано нецелесообразным.

Эти обременительно-ограничительные положения целесообразно классифицировать попарно, по происхождению их от мифов согласия. Так "заведомая ущемленность населения" вызывает к жизни **"Право власти на принуждение и наказание этого населения"** вместе с **"Признанием этим населением правил оплаты своих социальных обязательств"**. Иначе говоря, современная власть добилась работоспособности этих положений исключительно благодаря сосредоточению всего времени и всех сил подвластного населения на борьбе за ежедневное биологическое выживание и заботе о собственной безопасности.

Далее миф о безусловной добросовестности власти привел к **"Узурпации ею всех социальных обязанностей перед собственным населением"** и признанию **"Права власти на распределение средств к существованию"**. Но если вспомнить о собственно истоках любой власти, то можно увидеть, что именно власть генерирует всяческие ограничения для собственного населения, чтобы впоследствии встать у источника оставшихся средств с целью их "честного" распределения.

Еще одно небольшое наблюдение – **"Право власти на принуждение и наказание населения"** и **"Право власти на распределение средств к существованию"** логически следуют из мифа о способности представителями власти реализовывать СВОЮ волю. На первый взгляд, мы обнаруживаем как бы гармоничную и органически связанную систему "предконституционного договора". Но, если разобраться подробнее, то можно обнаружить явные противоречия во всех этих положениях.

Рассмотрим эти противоречия по порядку.

2.1. "Признание населением правил оплаты своих социальных обязательств" вытекает из потребности поголовной социальной специализации каждого конкретного представителя этого самого населения. Исторически эта специализация складывалась постепенно. Роды уступили место семьям, семья из нескольких поколений, проживающих вместе, уступила место семье из двух поколений, причем одно из них либо еще социально зависимо, либо уже социально зависимо по возрасту. При этом сокращение срока исполнения своих социальных обязательств перед детьми любыми средствами может сводиться к минимуму, и путем уменьшения количества детей как источника подобного обременения, и по качеству исполнения этих обязательств через

замещение воспитания домашнего воспитанием коллективным или виртуальным. Для борьбы с персональным обременением стариками общество, совместно с властью, сформировало целую систему перепоручения: от сиделок и малометражных квартир до домов престарелых. Эмоционально это выглядит малоубедительно, но именно Власть на первом этапе потакает социальному инфантилизму собственного населения, чтобы на втором этапе, обвинив его в незрелости, а, проще говоря, в ущербности и природной порочности, принудить оплачивать все свои (власти) начинания по распределению материальных благ среди социально зависимых категорий. Население с этим вынуждено согласиться. Но тем самым большинство населения теряет остатки материальных возможностей для принятия на себя персональных социальных обязательств. Большинство утрачивает возможность содержать не только своих близких, но и себя, утративших трудоспособность по возрасту. А, следовательно, большинство уже согласно не только на то, чтобы оплачивать свои обязательства, но и на то, чтобы без принуждения сокращать потребителей этих средств. Но так как расправа со стариками ненасильственными методами крайне затруднена, а инструменты сокращения их числа сосредоточены в руках ограниченных групп населения (политики, медицинские и социальные работники), то доступными для уничтожения остаются только дети как вторая массовая группа потребителей социальной заботы населения. Демографы с завидной скрупулезностью фиксируют победное шествие по различным странам этой системы социальной оптимизации общества, и называются эти "вехи первым и вторым демографическим переходом".

Парадоксально, но большинство населения не только признало целесообразными отказ от деторождения и детоубийство (аборт), но и приняло на себя финансовые обязательства перед властью для поддержания этой системы геноцида. Власть в поддержку этой системы сформулировала полный объем нормативно-правовых актов, закрепляющих за собой все финансовые права на содержание своих социально зависимых граждан. Более того, она также законодательно лишила любых материальных стимулов тех граждан, которые рискнут принять на себя подобные социальные обязательства, так как сделать это они смогут только за счет средств, оставленных им властью от заработка после изъятия всех сумм социальных платежей. Те незначительные суммы, названные пособиями, или те, что освобождены от части налогообложения, иначе как рекламными или ритуальными назвать невозможно.

Любая иная точка зрения признается заведомо неверной и опирается на один из "мифов согласия", а именно на тезис о заведомой недобросовестности или ущербности самого населения. Представители государственных органов лишили себя возможности оценивать социальную роль граждан своей страны иначе как по сумме перечисляемых гражданами налогов и сборов. Если к этому положению добавить еще байку о необходимости постоянного увеличения эффективности на каждом отдельном участке деятельности, то мы получим полную картину эффективного изъятия материально-финансовых средств из социальной сферы населения и сосредоточения их в социально-распределительной сфере государства.

Далее происходит чудо – максимальная эффективность выполнения государством своих обязательств в рамках социально-распределительной системы исчезает. В информационном поле она заменяется риторикой о безусловном стремлении к такой эффективности, на деле же или на дележе на первый план выходит уровень добросовестности конкретного человека, который занят этим дележом. Разве не чудо, когда гражданская ущербность незримым образом превращается в государственную добросовестность, лишь только человек получает доступ к механизму практически бесконтрольного распределения результатов обобщественного труда. Ведь если бы этого чуда не было, то количество раскрытых преступлений в области распределения было бы сопоставимо количественному показателю социальной недобросовестности рядовых граждан, то есть с количеством брошенных на произвол судьбы стариков, беспризорных детей, сделанных аборт. Или государственные деятели суть генерация иной, высшей по духовной зрелости среды?

Но последуем дальше по ступеням пирамиды власти.

2.2. "Узурпация властью всех социальных обязанностей перед собственным населением"

Естественно или логично из готовности населения оплачивать свои социальные обязательства перечислением денежных средств в государственную казну, проще говоря, откупаться от малозффективных непосредственных забот о стариках, детях и инвалидах вытекают два взаимосвязанных положения. Во-первых, право государства принимать эти денежные средства якобы на возмездной основе. А чтобы избежать обвинений в тирании, так как изъятие этих денежных средств никоим образом не влечет за собой народное представительство при их распределении, вытекает, во-вторых, принятие этой властью всей социальной ответственности перед собственным населением.

Невольно в связи с этим всплывают в памяти документальные выступления лидеров фашистской Германии, которые призывали своих подданных совершать любые злодеяния и подлости в отношении не основного населения Европы, обещая принять всю ответственность на себя. Тем лидерам требовались люди, лишенные ответственности за судьбу соседних народов; нынешним лидерам требуются люди, лишенные ответственности за свою собственную судьбу. Пейте, гуляйте, блудите, развлекайтесь - СОВРЕМЕННАЯ власть обещает принять всю социальную ответственность за последствия такой жизни на себя. От населения требуется лишь одно – оплатить право на распутную жизнь.

Следует пояснить, почему речь идет о современной власти. В данном случае под термином "СОВРЕМЕННАЯ" подразумевается власть в такой период истории, когда надобность в силовом подчинении гражданина Властью уступила место подчинению информационному. Отказ от насилия, естественно, имел лишь внешнюю сторону. Если заменить насилие физическое, которое позволяло получить результат управляемости обществом, основанный на неспособности разрозненных граждан к физическому сопротивлению власти, на насилие информационное, дающее такой же точно результат, но основанный на отсутствии возможности сопротивляться иному, а именно информационному, воздействию, то доброй воли как альтернативы насилию не возникает. То есть в современных условиях речь идет не о возникновении добровольного сотрудничества населения и власти как новой формы общественных отношений, а о новой форме насилия власти над населением, а именно о насилии информационном.

В связи с предложенным эмоциональным сопоставлением принятия на себя "ответственности" лидерами фашистской Германии и принятия социальной ответственности лидерами современных цивилизованных государств встает такой вопрос – что власти милее: готовность населения откупиться от своих социальных обязательств или те средства, которые остаются в распоряжении власти после финансирования принятых на себя социальных обязательств? Упреждая возражения о том, что у Власти ничего не остается, спешу согласиться с этим, так как бюджеты, и государственный, и фондов пенсионного и социального страхования, закрытыми не являются. Их анализ позволяет сделать вывод, что социальная маржа - величина действительно условная. Тогда становится ясно, что главное в этом деле – готовность населения снять с себя бремя прямых или непосредственных социальных обязательств, которые отнюдь не увеличивают бытовую комфортность его существования, а комфортность душевная или морально-нравственная не нарушается от этого, так как "заведомо ущербное население" передает заботу о себе, "неполноценном", "заведомо добросовестному государству".

Каким образом шел процесс узурпации социальных обязательств, и каковы основные вехи на этом пути – задача, выходящая за рамки этого материала, но, безусловно, этот феномен нуждается в серьезном исследовании.

В данном случае интересна другая сторона дела - как глубоко зашел процесс деградации прямой социальной функции человека, и какова роль власти в углублении этой деградации? О глубине деградации можно судить по количеству проживающих отдельно от своих детей стариков и количеству работающих мам малолетних детей. Об этом же говорит возрастной состав компьютерных гейм-клубов и анализ дневной сетки телевизионного вещания. Старики и дети предоставлены сами себе. Эмоционально-нравственные причины такого состояния дел - предмет изучения психологов и педагогов. Но при любом из их выводов ясно одно –

бытовой комфорт сегодня - величина покупаемая и нет пока никаких механизмов, способных снизить уровень потребности в этом комфорте в пользу, скажем, выполнения прямых социальных обязанностей самими гражданами.

А что же Власть? Власть сегодня всячески потакает процессам отказа населения от своих прямых социальных функций. Власть, как никто иной, заинтересована в своем посредничестве при исполнении любых услуг для населения, в том числе и социальных функций, во всех их проявлениях.

Из факта нормативно-правового ограничения возможностей населения нести на себе прямые социальные обязательства и замены их обязательствами финансовыми вытекает, что в переходе социальных функций от граждан к институтам государства заинтересована, прежде всего, сама Власть. Иначе зачем ее законодательской ветви подобные малопродуктивные экзерсисы. Тем самым она получает в свое распоряжение, прежде всего, МЕРУ для определения социальной значимости своих подданных. Мало того, власть получает ФИЛЬТР, который не в состоянии преодолеть действия граждан не отвечающие интересам такой власти. Проиллюстрирую это на нескольких примерах.

Пример номер один - благотворительность. Любая попытка частной благотворительности законодательными и фискальными органами рассматривается, прежде всего, как способ уклонения от налогообложения, и только в случае невозможности доказать это - как акт милосердия.

Пример номер два - накопительная пенсионная система. Предложение ее со стороны государства - явление само собой разумеющееся, точно так же Власть полагает явлением недопустимым личное или частное страховое накопление.

Пример номер три - диктатура себестоимости. Очевидно, с точки зрения наших законодательных и фискальных органов, что наш гражданин жаден и корыстен, поэтому право определить: какие средства в его деятельности следует отнести на себестоимость, а какие - к налогооблагаемым суммам, принадлежит отнюдь не гражданину - субъекту хозяйственной деятельности, а как раз органу, эту деятельность контролирующему.

Пример номер четыре - право поддерживать биологическое существование своих граждан опять же узурпировано Властью, иначе для чего ей облагать налогами суммы, необходимые гражданам для этой цели. Гражданин на биологическом, физиологическом уровне обязан усвоить, что его право на жизнь ОБУСЛОВЛЕНО финансовыми обязательствами перед тем государством, которое записало себе в конституцию его БЕЗусловное право на жизнь.

Таким образом, Власть, начиная от обременения контролем, надзором и фискальной деятельностью вынужденного изнуряющего труда своих граждан по поддержанию своего биологического состояния; потакая, культивируя и нормативно закрепляя у граждан гедонистические устремления; декларируя перед гражданами свою готовность на их социальное и пенсионное обслуживание, формирует у собственного населения инфантилизм. Этот процесс продолжается из года в год, из века в век. В конце концов, население уже на уровне традиций начинает воспринимать этот социальный абсурд как норму, а способность самостоятельно рожать, воспитывать своих детей и достойно содержать стариков - как патологию. По сути дела, в первом случае речь идет о добровольном отказе населения от самостоятельности в бытовых вопросах и, как следствие, добровольном закреплении себя в интересах власти, а во втором случае, случае социальной самостоятельности - гражданин устраняет основное средство воздействия Власть на себя, не нуждающегося в проявлении заботы о себе властью. Утрата возможности применить подобные рычаги подает нежелательный пример для остальных граждан и подрывает основу управляемости обществом. Отсутствие у граждан нужды в "отеческой" о них заботе со стороны Власть позволяет, в современных условиях, разрушить саму основу власти, в природе которой, повторюсь, лежат ограничение средств существования и разрешительное распределение возможностей доступа к ним.

Но картина современности выглядела бы абсолютно сюрреалистичной, даже идеалистической, если бы исчезло признаваемое большинством населения право власти на его принуждение и наказание.

Итак.

2.3. Право власти на принуждение и наказание населения

Заранее хочу оговориться, что под принуждением в дальнейшем будет пониматься не только насилие над волей подданного через внешнее, физическое на него воздействие. Кроме него, будет рассматриваться, но в самых общих чертах, и информационное насилие, воздействие которого внешне не фиксируется, так как его работа проходит внутри сознания человека, но, точно так же, как и физическое воздействие, воздействие информационное изменяет направление и способ проявления воли любого человека. То есть термин "принуждение", заведомо ограниченный лишь рамками применения или угрозой применения физического насилия, может привести к ошибочному результату. Мало того, отказ рассматривать информационное насилие как одну из разновидностей принуждения уже сам по себе есть результат предвзвешенного информационного воздействия - принуждения. Это подтверждает необходимость оценки влияния информационного насилия наряду с иными способами обременения и ограничения человека.

Рассматривая вопросы, связанные с общественными отношениями, мы неизбежно, постоянно возвращаемся к природе власти. Это оправдано тем, что общество как форма некоторой организации людей может проявляться только при наличии объединяющих факторов. Одним из таких факторов является власть, для которой население - это объект проявления своей воли. Поэтому вполне корректно сделать и обратное допущение, что власть - это объект проявления коллективной воли общества. И речь в данном случае идет как раз об обществе, а не о населении, так как мы имеем дело с одним и тем же субъектом воздействия на каждого из членов коллектива. Следовательно, проявление воли каждого из них должно абсолютно совпадать по направлению. Представители власти, понимая это, и понимая пагубность для своих корыстных, если таковые имеются, планов подобного консолидированного проявления воли общества, в инициативном порядке, как раз через средства информационного принуждения, предлагают различным группам населения самостоятельные цели для проявления их групповой воли. Сегодня, в начале XXI века, для стариков - это молодежь, лишенная к ним уважения; для социально зависимых граждан - это налогоплательщики, не проявляющие восторга от возможности расстаться с большей частью зарабатываемых средств; для налогоплательщиков - это близко к ним расположенные корыстолюбивые чиновники, которые, пребывая под покровом власти, вынуждены выполнять коррупционные нормативно-правовые акты. Перечень можно продолжать, но природа сформированных таким образом пар останется неизменной - это **принуждение одних удовлетворять или финансировать удовлетворение потребностей других**. Векторы воли этих групп направлены навстречу друг другу, следовательно, в период социальной стабильности их сумма близка к нулю, так как в противном случае неизбежен социальный взрыв. Суммарный вектор, имеющий какое-либо направление и некоторое значение, неизбежно приводит систему в движение.

Современная Власть, усвоив на заре своего становления, что население для нее - это объект проявления ее воли и источник благополучия (получения благ), не желает ни под каким предлогом отказаться от подобного заблуждения. Причина этого заблуждения кроется в субъектно-объектной путанице. Народ, делегируя конкретным представителям власти некоторые вопросы отправления своих суверенных прав, полагает власть в целом объектом своего свободного волеизъявления, проще говоря, порученцем. Именно за эти делегированные полномочия он и готов платить. Власть же, осознав инертность населения и его подверженность разнообразным манипуляциям, отказывается, не имея на то делегированного ей права, воспринимать народ как субъект, предоставивший ей некоторые права. Тем самым, каждый конкретный государственный служащий полагает именно себя субъектом, оказывающим управленческие услуги населению в целом (обслуживание объекта, лишенного воли, на время между выборами), низведя народ до роли своей питательной среды. Но, если мы попытаемся встать на позицию конституции любого цивилизованного немонархического государства, то мы должны будем придерживаться именно суверенных прав народа, а не наоборот. Именно это заблуждение Власть и инертность населения лежат в основе, рассматриваемого нами в данный момент, обре-

менения обременения правом власти на принуждение и наказание.

Еще одна короткая ремарка

Задумаемся над тем, наказуемо ли, в принципе, сегодня общество? Наверное – нет. В чем причина того, что в современных условиях это сделать невозможно? Причина отнюдь не процедурная, не техническая. Общество – работодатель для Власти, поэтому с ним возможен лишь договор об оплате. Общество страдает не от наказания, а от плохой работы на него.

Сегодня в лице современной власти мы имеем крайнюю форму проявления недобросовестности этого управляющего органа. Современная власть – это классический пример захвата власти в акционерном обществе. Власть направила значительную часть усилий на разукрупнение "пакетов акций". Общество превращено в население – совокупность различных групп граждан, каждая из которых несоразмерно мала по своему значению в глазах власти. Эти группы, опять же усилиями власти, противопоставлены друг другу. В этом случае применено не физическое, а как раз информационное принуждение. Обособление и определение принадлежности каждого гражданина к той или иной группе ведется в рамках информационного поля, а не усилиями государственных и судебных служащих.

На этом этапе стратегическое информационное принуждение заканчивается. В силу вступает оперативное информационное воздействие. Различным группам населения, как правило, с противоположными интересами и потребностями предлагается через своих представителей сформулировать их в виде нормативно-правовых актов.

Добросовестность формирования этих представительных органов – вопрос отдельного исследования, но ее самое высшее проявление, даже в рамках теории, дает крайне негативный вариант. При идеальном учете в нормативно-правовых актах интересов всех сторон мы неизбежно получаем набор циклических ссылок, то есть полную стагнацию всех взаимоотношений. Это следует понимать следующим образом: либо представители всех групп граждан (а также и участники этих групп) отказываются от отстаивания своих групповых интересов в пользу всех остальных граждан, и тогда нормативно-правовое регулирование утрачивает актуальность. Или эти группы отстаивают свои интересы в полном объеме, тогда исчезает сама база для удовлетворения потребностей остальных групп. Как ни парадоксально, это может звучать, но в основе принуждения и наказания любого гражданина лежит его готовность принять компромисс собственных интересов и доброй воли в отношении интересов окружающих.

То есть, приобретая силу закона, этот компромисс поощряет тех, кто способен отказаться от своих интересов в большей степени, чем это сделал его сосед, и влечет наказание, если твои интересы сохранились в неизменном виде. Но, приобретая силу закона, этот компромисс утрачивает свою природу, природу осреднения, когда только часть группы носителей определенного интереса не смогла по доброй воле отказаться от сохранения его в неизменном виде. Вспомним, что население разделено на довольно узкие группы, каждая из которых несоразмерно мала по сравнению с остальной массой, но компромисс внутри этой группы, приобретая силу закона, проходит процедуру голосования представителями всех остальных групп. Таким образом, он имеет шанс быть принятым только в случае, если интересы этой конкретной группы будут **не усреднены, а минимизированы**. То есть, перейдя в ранг закона, этот внутренний групповой компромисс фиксирует некоторую часть этой группы, как нуждающихся в принуждении к выполнению полученного закона. И в эту часть попало большинство участников группы, пошедшей на компромисс, а не только ее социально недобросовестные элементы. Точно такая же картина наблюдалась и при превращении внутренних компромиссов в законы для всех остальных социальных групп. В итоге мы имеем групповые интересы, удовлетворенные по минимально возможному уровню, и большинство граждан с неудовлетворенными их интересами на уровне законов. Эти граждане тем самым попали в категорию, потенциально нуждающуюся в принуждении. При этом такая парадоксальная ситуация создана их же собственными руками при голосовании или ином спо-

собе отстаивания своей компромиссной точки зрения.

Естественно, что часть из них готова принять это принуждение из опасения наказания или исходя из заранее сформированного чувства безысходности, но остальные граждане в идеальном варианте тем же самым путем всенародного голосования попадают в категорию граждан, подлежащих наказанию за свое несогласие выполнять закон, не соответствующий их групповому компромиссу. Путь голосования здесь приведен исключительно ради показательного примера. При наличии некоторых особенностей формирования мнения верховной власти в отношении интересов населения законы минимизации его интересов сохраняются. Любой способ формализования отношений внутри сообщества, живущего по законам ограничения и распределения, минимизирует права граждан в пользу прав власти, будь то охлократия, республика, монархия или тирания. Способ отправления властных полномочий роли не играет. Существенны лишь природа группового компромисса, и отсутствие возможности его сохранить при превращении его в закон для всего общества.

Естественно, что в любой динамической системе действует закон сохранения энергии. И, согласно этому закону, недополученная энергия каждой из локальных групп граждан в результате минимизации их интересов неизбежно должна быть потреблена или утилизирована внутри этой системы или выведена наружу. Таким образом, если условно обозначить в качестве эквивалента и единицы измерения социальной энергии деньги, то их аккумуляция в непубличных структурах (тайные общества, криминальные сообщества, внебюджетные фонды спецслужб), их вывоз за рубеж и уход на черный рынок объясняется вполне корректно и логически точно. Причина подобного движения в необходимости сохранения баланса поступления и расходования энергии, а не только в порочности людей, организующих подобные денежные потоки. Если закон природы требует подобного движения, то исполнители при любых обстоятельствах появятся.

Но человечество создало произведения искусства и архитектуры, грандиозные и ресурсоемкие предметы религиозных культов, фундаментальную науку – это как раз альтернативные криминальным и деструктивным явлениям, общественно полезные способы утилизации и перемещения излишней социальной энергии. Их недостатки, субъективные недостатки, т.к. – во-первых, слабая персонификация роли конкретных представителей распределительной системы, и, во-вторых, необходимость наличия у них высокого уровня мотивации (интересы всего общества и выше) для подобных действий.

Таким образом, мы еще раз приходим к выводу, что мотивационный уровень и уровень добросовестности представителей власти не является основанием для добровольного закрепления за ними прав принуждения остальных граждан. **А процесс, при котором общество посредством информационного принуждения разделяется по групповым интересам, есть деградация общественных отношений, а никак не естественной результат специализации внутри общества.**

Вторым важным выводом исследования природы возникновения прав власти на принуждение и наказание населения является **неизбежность нарастания по объему и совершенствованию по содержанию карательной в отношении населения системы.**

Законодательное закрепление минимизации интересов разрозненных групп населения и сосредоточение через это значительной доли социальной энергии в руках власти неизбежно влечет за собой все большее нарастание роли непубличных способов управления. Ведь эта энергия по тем или иным каналам уходит в эту непубличную сферу. Как говорилось выше – это тайные общества, спецслужбы, организованный криминалитет. При всей несхожести этих структур, применительно к рассматриваемому предмету их роднит одно и то же – нелегальность источников дохода и отсутствие контроля над их бюджетом со стороны общества. Частично этим же грешат и внебюджетные государственные фонды, но их роль в системе управления населением скорее вспомогательная, чем самостоятельная.

Получив по этим, пусть на первом этапе случайным, каналам средства к существованию и развитию, эти субъекты непубличной сферы общественных отношений направляют все свои усилия на системное укрепление этих случайных каналов, на превращение этих каналов в постоянно действующие. То есть соци-

альная энергия, израсходованная вне системы публичных общественных отношений, возвращается в нее в виде энтропии коррупции. Но коррупция остается социальной энтропией лишь в рамках публичных отношений; с позиции же отношений непубличных она является источником и каналом транспортировки овеященной тем или иным образом социальной энергии из сферы отношений публичных в сферу непубличную. Это можно рассмотреть и прийти к точно такому же результату в рамках исследования взаимного влияния системы и антисистемы.

В данном случае, тем не менее, нам интересно другое. Укрепление каналов перетекания социальной энергии из публичной сферы в сферу теневую вызывает к жизни следующий парадокс. Количество энергии в публичной сфере, постоянно снижаясь, перестает покрывать ее естественные потребности, а это, в свою очередь, требует новых мер по минимизации интересов всех социальных групп, в нее входящих. Новые шаги по минимизации увеличивают количество представителей этих групп, переходящих из разряда условно согласных с минимизацией их интересов (принявших компромисс) в разряд компромисс отвергающих. Следовательно, возникает дополнительная потребность в силах и средствах подавления и наказания этой категории граждан, то есть возникает новое проявление социальной энтропии – система подавления социального недовольства. То есть власть, утрачивая способность противостоять коррупции, вынуждена прибегать к дополнительным мерам ограничения граждан, занятых в сфере публичных общественных отношений.

В свою очередь, граждане, лишённые возможности публично отстаивать свои права, вынуждены мигрировать либо в сферу непубличных общественных отношений, либо, оставаясь в публичной сфере, перепрофилировать свою деятельность в формы, полезные для власти на данном ее этапе деградации, то есть в формы распределения социальной энергии или перехода в институты подавления остальных сограждан. Тем самым разрушается сектор производства средств существования, сектор генерации и накопления социальной энергии в любых ее формах. Через некоторое время дефицит энергии становится столь заметным, что социальная система приходит в движение. Это обусловлено ростом численности социально зависимых групп населения и невозможностью уравновесить их даже минимальные интересы за счет социально активных групп населения. В этой связи возникает потребность в распределении средств существования населения.

2.4. Право власти на распределение средств существования

Эта потребность в распределении средств существования возникла не столько в результате реального сокращения средств существования, сколько в результате искусственно организованного перераспределения граждан между существовавшими ранее и вновь образованными социальными группами. Возможно, этот процесс тотальной социальной миграции некоторые историки вслед за политиками той поры назовут перестройкой. Оставим им эту прерогативу. Нам в рамках рассматриваемой темы важно то, что в результате этих миграций были разрушены традиционные социальные связи нашего общества. Помимо всего прочего, эти социальные связи ранее, до их разрушения, позволяли определять уровень добросовестности того или иного представителя нашего общества. Социальная мобильность носила внятный по смыслу, регулярный по времени и равномерный по всему обществу характер. По этой причине первичный отбор на выборные посты был неизменно сопряжен с реальной оценкой уровня нравственности претендента окружающими его, как правило, социально активными гражданами. Разрушение подобной системы поставило общество перед фактом, что в области критериев оценки претендента на любой пост образовался вакуум.

Как следствие этого, исчезло доверие граждан не только к подобным претендентам, но даже к соседним социальным группам в целом при выдвижении таких претендентов. Природа этого явления та же, как и в случае невозможности учитывать реальный результат компромисса интересов таких групп при попытке перехода его в ранг закона. Изоляционизм таких групп, поддерживаемый нормативно-правовыми и информационными средствами как в рамках власти, так и самостоятельно их лидерами и функционерами, точно так же, как и в случае с законотворчеством,

порождает внутри группы однозначный отказ учитывать добросовестность выбора претендента в любой из соседних групп. Недоверие социальных групп друг другу приобретает значение самостоятельной разрушительной силы. Это недоверие превращается из категории субъективной в объективное явление при оценке социального окружения каждой из таких групп. Почему именно разрушительной силой и по какой такой причине каждая социальная группа начинает оценивать своих сограждан, находящихся вне ее, как недружественное внешнее окружение? Конкуренция вместо социального партнерства и безусловная персональная экономическая эффективность вместо и в ущерб социальной роли окончательно вычистили в каждой из социальных групп тот сектор, который позволял находить на уровне горизонтальных связей внутри общества взаимное понимание и взаимное доверие. Именно по причине смещения акцентов в бытовой и хозяйственной деятельности людей из области взаимной полезности в область извлечения пользы для себя, а также в результате жесткой специализации социальных групп, недоверие между ними превратилось в силу, разрушающую любые попытки налаживания горизонтальных коммуникаций между ними. В результате этого недостаток информации о намерениях соседних социальных групп в отношении своей собственной с лихвой заменяется, как бы по аналогии, своими собственными намерениями использовать соседей как источник дополнительных материальных благ. Проще говоря, "соседи относятся ко мне плохо, потому что я сам готов к ним так относиться". Власть с удовольствием подстрекает эту формулу, потому что она является гарантией востребованности услуг власти по регулированию взаимоотношений между такими социальными группами. Недоверие друг к другу вызывает к жизни доверие к кому-то третьему. И это недоверие мастерски поддерживается через систему информационного насилия над сознанием собственных граждан.

Таким образом, **единственным субъектом, априори обеспеченным подобным доверием по распределению материальных благ и средств существования, остается власть - она же и получает это право.**

Круг замкнулся. Расчленение общества на социальные группы, минимизация интересов этих групп при нормативно-правовой регламентации отношений в обществе привели к ограничению числа граждан, по доброй воле занятых производством материальных благ и средств существования для всех членов коллектива. Возникшая потребность в перераспределении оставшихся материальных благ на фоне тотального недоверия социальных групп друг другу в целом и любым уполномоченным представителям соседних социальных групп в частности как бы естественным путем сосредоточила все права по распределению средств существования населения в руках власти. **Принцип "разделяй и властвуй" восторжествовал в самом уродливом его проявлении.** Общество разделила власть внутренняя, а не внешняя. Властвует она, исходя из собственных корпоративных интересов, которые формируются вне публичных общественных отношений. Это, в свою очередь, делает уже абсолютно бессмысленной попытку санации власти на уровне ее отдельных представителей. Подобная санация будет иметь мало толку даже на уровне изменения регламентов и процедур исполнения отдельных ее функций. Порочна сама природа власти ограничения. Ее порок кроется в неспособности существовать бесконечно долго. Рано или поздно недовольство ограничением берет верх над всеми остальными мотивами поведения людей, и тогда эта власть перестает существовать.

Именно заведомой порочностью природы власти и обусловлена смена цивилизаций и падения империй. С другой стороны, существует социальный буфер, который позволял и позволяет цивилизациям существовать довольно продолжительное время. Этот буфер существует:

- в виде невозможности тотального контроля над исполнением всех законов и предписаний в обществе,
- в виде наличия непубличных форм уклонения от подобного контроля,
- в виде сохранных вне орбиты распределения через монопольную систему власти значительных материальных ресурсов.

Мало того, этот буфер даже изучается в рамках "теории бедности" или "теории голода", но делается это достаточно робко и, как правило, в тайне от большинства населения.

Это время существования цивилизации, как бы это ни звучало парадоксально, определяется скоростью совершенствования нормативно-правового поля и социальной системы. Чем выше эта скорость, чем шире охват, глубже и детальней формализация различных сторон жизни общества, тем скорее это общество придет к точке стагнации и гибели, освободив место новым, диким, лишенным регламентации своей повседневной жизни народам. Народ, лишенный собственной воли, пусть даже в пользу некоторых своих представителей, осуществляющих управленческие функции, утрачивает дееспособность. Эта утрата и означает его гибель.

Поэтому из всех ограничений и обременений властью собственного народа наибольший вред ему наносит узурпация ею права на распределение средств жизнедеятельности. Если провести аналогию периодов жизни общества и жизни человека, то эта деятельность власти на заре становления общества сопряжена с младенческой беспомощностью, а вот если общество уже состоялось, то возврат к подобной системе аналогичен старческому маразму. Я не призываю к эмоциональной оценке природы власти и отдельных ее внешних проявлений, я призываю лишь к объективной оценке сегодняшнего состояния нашего общества.

3. Так все-таки может ли государство иметь цель своего развития? (Общие выводы)

Государство – термин, как мы выяснили, достаточно емкий и противоречивый в своем содержании. Поэтому самый простой способ: разделить структуры государственной власти и население страны и, опираясь на приведенные выше доказательства антагонизма интересов "власти ограничения" и населения, расчлененного на отдельные, враждебные остальным социальные группы, смело делать вывод, что любая обозначенная цель развития – ложь. Определенная таким образом цель будет отражать интересы лишь некоторой узкой группы людей: либо одной из социальных групп, либо некоей структуры управления. Вспомним также, что существует еще огромная сфера непубличных общественных отношений, участники которой рассматривают любое государство как источник своего персонального благополучия. В средствах воздействия на государственные органы и население они никак не ограничены и никому, кроме самих себя, не подконтрольны. Поэтому нам точно также допустимо предположить, что сформулированная цель развития государства может являться всего-навсего одним из средств укрепления каналов перетекания социальной энергии из сферы публичных общественных отношений в одну или несколько непубличных структур.

Существуют ли в условиях тотального информационного насилия какие-либо реальные критерии оценки, позволяющей отличить действительную цель развития государства от ее ложной имитации? Не стоит серьезно критиковать возможность организовать в СМИ "всенародную" поддержку высказанной идеи. Держатель СМИ – живые люди с точно таким же, как и у нас, сознанием, которое точно так же реагирует на воздействие извне. Поэтому "всенародная" поддержка – критерий малоубедительный.

То есть ни первый способ - через препарирование общества и общественных отношений на более простые компоненты, ни второй способ - через возможность объективной оценки самой цели на предмет ее состоятельности однозначного ответа на поставленный вопрос нам дать не могут. В первом случае, потому что отвергнута возможность синтеза интеллектуальных возможностей, так называемый коллективный разум, а его-то, как раз, и возможно рассматривать как источник подобной идеи. Тем не менее, следует признать, что действия власти по расчленению населения на социальные группы – это факт, и факт, говорящий о том, что деятельность коллективного разума в настоящее время пока заморожена. По крайней мере, она точно не востребована для поиска ответа на поставленный вопрос.

Во втором случае, то есть, при попытке объективно оценить состоятельность самой цели мы встаем на очень зыбкую почву футурологии, загадывания будущего. Нам необходимо опираться либо на какой-то общепризнанный авторитет, либо на принцип достаточной (а не полной) достоверности. Это значит, что прежде мы должны договориться, что признаем либо чей-то ав-

торитет, либо означенный уровень достоверности информации. То есть при оценке достоверности критериев опять возникает потребность в определенных договорных отношениях внутри общества, которое, как мы выяснили, искусственно расчленено, именно с целью предотвратить возможность подобных отношений.

Возможен третий способ поиска ответа на вопрос – экзистенциальный взгляд на государство как на что-то цельное, обладающее новыми по сравнению с его отдельными компонентами качествами, но этот подход может дать нам настолько субъективный ответ, что его ничем, кроме авторитета автора, подтвердить будет невозможно. Возможно, этот метод и применяется лидерами государств, когда их авторитет достаточно высок. Но в этом случае мы должны признать доказанным самый первый постулат недоказуемости о сверхъестественном происхождении и таком же сопровождении власти. Признав же его доказанным, мы отвергаем все остальные законы общественных отношений и, в первую очередь, главный из них - о том, что каждый человек обладает свободой воли.

Таким образом, методом исключения мы пришли к доказательству, что в рамках действующих в настоящее время "общественных" отношений цель развития государства, его национальная идея сформулирована быть не может. Причины:

- Общества и общественных отношений не существует. Общество заменено набором социальных групп, способных на общение друг с другом только посредством властных структур. Общественные отношения формализованы в нормативно-правовые акты и тем самым уничтожена сама база их существования – добрая воля участников этих отношений. Те или иные обязательства подлежат исполнению не по доброй воле и совести участников отношений, а под угрозой наказания.

- Органы власти, опираясь в своей повседневной деятельности на технологии информационного и нормативно-правового насилия, не обладают легитимным правом на формулирование от имени всего народа подобных идей. Население, не обладая работающими горизонтальными коммуникациями и пораженное взаимным недоверием друг к другу, лишено возможности выработки критериев оценки такой идеи.

- Власть ограничений и ограниченное в доступе к средствам существования население имеют прямо противоположные интересы как на бытовом, так и на стратегическом уровне, и обозначение каждым из них своих целей в качестве цели государственного развития приведет к уничтожению существующего в данный момент государства. А уничтожение государства целью его развития быть не может по определению.

- И главное. Любая цель развития государства имеет конечное во времени исполнение. Признание этого означает признание либо ошибочности цели, либо готовность к гибели государства по достижении обозначенной цели. Ошибочность конечной во времени цели означает низкую компетентность в области стратегического государственного управления. Готовность к гибели существующего государства означает предательство его народа через тиранию или злоупотребление доверием.

Следовательно, если предположить, что государство как форма общественных отношений выполняет конструктивную функцию обеспечения условий бесконечно долгого существования на обозначенной территории своего коренного населения, то обладать четко сформулированной целью своего развития оно не может. Национальная идея – это прерогатива населения, организованного вне систем государственного управления в обществе.

Исходя из этого тезиса, можно сделать два важнейших практических вывода:

Государство в лице любого из своих институтов сформулировавшее и озвучившее конечную во времени цель развития и обозначившее ее как национальную идею – деструктивно по отношению к собственному населению.

Единственным признаком социально здорового государства является способность его общества вырабатывать критерии, формулировать и оценивать свою национальную идею.